

случае авторство, а иногда и обработку дополнительных сведений правомерно приписывать Татищеву. Кроме того, поскольку историк писал свод, рассчитанный на самые широкие круги читателей, то он должен был не только повествовать о событиях, но и объяснять их причину, связь, смысл. Автору было важно также, чтобы его идеи были поняты и восприняты, поэтому он придает повествованию литературный характер.

По всем этим мотивам рассказ Татищева не может быть использован при изучении обстоятельств похода Игоря на половцев в качестве дополнительного к летописям исторического источника.

Влияние татищевских рассказов видно не только у всех историков и исторических сочинителей XVIII в., но и у ученых XIX в., а также у некоторых авторов современных исследований, связанных с объяснением исторической основы «Слова о полку Игореве», и даже у либреттиста оперы «Князь Игорь» (например, встреча Игоря с княгиней). Исключение составляет лишь один автор — создатель «Слова о полку Игореве». Ни одно из добавлений или изменений текста летописи Татищевым не имеет аналогий в «Слове». Это показывает, что «Слово» не могло быть создано после Татищева. Невозможно представить себе сочинителя XVIII в., который не учел бы татищевских оживлений и ошибок в рассказе об Игоре.

В процессе работы над темой определились некоторые вопросы, прямо с ней связанные, но, возможно, представляющие интерес для более полной характеристики «Истории Российской».

На материале «Истории» можно поставить — пока, правда, очень осторожно — вопрос о том, не был ли гипотетический список E_2 , охарактеризованный в работе как список, близкий Ермолаевскому, той «Раскольниковой летописью», которую Татищев называет в числе манускриптов, использованных им в работе. Возможность заимствования каких-то сведений из «Раскольниковой летописи» была. В ней могли найти отражение события 1185 г., поскольку «Раскольниковья летопись», по свидетельству Татищева, кончалась изложением событий 1197 г. И, может быть, можно говорить не об Ермолаевском списке, использованном Татищевым, с дополнениями по «Раскольниковой летописи», как пишет в своей книге С. Л. Пештич,⁴² а просто о «Раскольниковой летописи», которая представляла собой список Ипатьевской летописи, очень близкий к Ермолаевскому, в своей событийной части даже равный ему. Это положение требует тщательной проверки.

При дальнейшем изучении «Истории Российской» необходимо сопоставить ее текст с миниатюрами Радзивилловской летописи. А. В. Арциховским замечено, что «кенигсбергские миниатюры оказались довольно точными иллюстрациями»⁴³ к некоторым татищевским описаниям. На основе этого наблюдения исследователь делает вывод: как миниатюры Радзивилловской летописи восходят к иконографической традиции XII в., так и описания Татищева взяты из источников, относящихся к поре раннего летописания. Этот вывод обратим. Возможно, сходство миниатюр с описаниями «Истории» обусловлено тем, что при создании своего труда Татищев обратился к миниатюрам Радзивилловской летописи как к дополнительному источнику (которым, как известно, он пользовался). Кроме миниатюр Радзивилловской летописи, миниатюры

⁴² С. Л. Пештич. Русская историография, ч. I, стр. 258.

⁴³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 17.